

**Владимир Иванович
ДАЛЬ
(1801–1872)**

Словарь Даля — это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в., широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию.

В.В. Виноградов

Словарь Даля является “рудником настоящего подлинного русского языка”.

А. Шлейхер

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

I

Владимир Иванович Даль родился **22 ноября 1801 г.** в г. Лугани (совр. Луганск в Украине).

1814 г. Поступил в Морской корпус г. Петербурга.

1819 г. Окончил Морской корпус, выпущен мичманом на Черноморский флот.

1823 г. Военный суд над В.И. Далем за эпиграмму на командующего флотом.

1824 г. Перевелся в Кронштадт.

1826 г. Вышел в отставку и поступил в Дерптский (совр. Тарту) университет на медицинский факультет.

1829 г. Получил звание лекаря и был отправлен в действующую армию.

1830 г. Напечатан рассказ “Цыганка” в ж. “Московский телеграф”.

1832 г. Определен ординатором Военно-сухопутного госпиталя в г. Петербург.

1833 г. Первая книга “Русские сказки”, женился на Юлии Андре, перевелся в Оренбург чиновником особых поручений при губернаторе.

1838 г. Избран членом-корреспондентом Российской академии наук.

1840 г. Женился на Е.Л. Соколовой.

1841 г. Перевелся в Петербург.

1845 г. Открытие Русского географического общества (18 авг.), одним из учредителей которого был В.И. Даль.

1849 г. Перевелся в Нижний Новгород управляющим Удельной конторой.

1859 г. Вышел в отставку и поселился в Москве.

1861 г. Присуждение Золотой Константиновской медали за первые выпуски словаря, вышло Полное собрание сочинений в 2-х томах.

1862 г. Вышел сборник “Пословицы русского народа”.

1863—1866 гг. Вышел “Толковый словарь живого великорусского языка”.

1868 г. Единогласно избран почетным членом Академии наук.

1869 г. Присуждена Ломоносовская премия за “Толковый словарь живого великорусского языка”.

1870 г. Присуждена премия Геймбюргера за Словарь.

1872 г. Смерть жены 21 февраля.

В.И. Даль скончался 4 октября 1872 г. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище

II

В конце 1989 года в Литературной газете появилось, пожалуй, удивившее сообщение, что в журнале “Русская речь” будет печататься “Словарь расширения русского языка” (или “Русский словарь языкового расширения”, составленный А.И. Солженицыным. За прошедшее десятилетие вышло три его издания (1990, 1995, 2000). Это обширный словарь (или, может быть, словник), в него вошли материалы из “Толкового словаря” В. Даля и почерпнутые у других авторов (прошлого века и современных). Писатель собирал свой словарь на протяжении 40 лет, он задался целью “восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему... для всех, кто в нашу эпоху отеснен от корней языка затертостью сегодняшней письменной речи. В словарь вошли просторечные, диалектные, арготические слова, “никак не заслуживающие преждевременной смерти”, а также “исторические выражения, сохраняющие свежесть”.

Литератор озабочен не только выразительностью слова, но и судьбой, богатством того источника, откуда он черпает. “Да, я хочу обновить, разнообразить русский язык, и для того беру мое золото обеими руками из горы и из грязи, отовсюду, где встречу, где поймаю его”, — выразил свое писательское кредо А. Бестужев-Марлинский. Помню выступление в Российской Государственной Библиотеке писателя Сергея Залыгина. Он говорил, что нельзя хоронить народное слово; когда мы не будем так увлечены техникой, мы снова почувствуем вкус к русскому народному слову, мы будем так же смотреть на него, как на таившуюся много времени и вдруг найденную нами драгоценность; нам нужно пользоваться русским словом, которое появилось давно — может быть, сто лет назад или больше; слово, которое появилось недавно, — это еще термин, а слово, которое существует много лет, — это уже действительно слово...

Автору этих строк — лингвисту и журналисту — лет двадцать пять назад тоже задалась в голову мысль: привлечь внимание к неиспользованным запасам русского

языка, к свежей, интересной, “периферийной лексике” — понятным и выразительным словам и оборотам говор, полузабытым литературным словам (архаизмам) и, может быть, к малой толике слов из жаргонов. Я назвал эту лексику (богатейшую — тысячи слов) потенциалом русского литературного языка, хотя, наверно, правильнее было бы видеть в ней прежде всего потенциал языка художественной литературы. Я стал ратовать (в специальных сборниках и статьях в “Литературной газете”) за создание Словаря потенциала русского языка, предложил критерии отбора перспективных слов и выражений для такого собрания.

Но кто бы ни брался за создание “расширительного” словаря того или иного типа, тот непременно приходил к Далю — к этому великому человеку-словарю. Я позволил себе объединить их, потому что подавляющее большинство людей связывает имя Даля со знаменитым четырехтомником. Все остальное, что сделал, написал, пережил Владимир Иванович, заслонено его Словарем.

В прошлом веке известный славист И.И. Срезневский писал: “В свободные минуты просматриваю Словарь Даля... Особенно дороги народные выражения и синонимы. Авось хоть в этот Словарь станут заглядывать наши писатели”. С тех пор еще как заглядывают! От Льва Толстого до рядового литератора и журналиста наших дней. И, наверно, главным образом, чтобы обострить свое языковое чутье, разворошить стандарт (а не только прибавить себе слов). Велемир Хлебников, работая над “Звездным языком”, неоднократно обращался к словарю Даля. Поэтесса Юнна Мориц мне говорила: “Когда я иду чистить зубы, я кладу рядом Даля”. Оказывается, и так можно штудировать этот замечательный источник. Открываю газету: «Прочитал недавно у Даля о весне: “Прилет ласточек; птиц на волю отпущенье”. И вспомнил: мальчишками мы были мастерами отлавливать зимой красногалстучных снегирей. И это тоже был ритуал — по весне открывать дверки самодельных клеток и отпускать птиц на волю. Ошалевшие снегири вырывались на свободу, и мы еще долго смотрели им вслед»», — пишет публицист В. Широков. И он потянулся к Далю, чтобы прочитать в словаре о весне... А вот два исследователя, Г. Гусейнов и Д. Драгунский (Век XX и мир. 1990. № 2), осмысливая понятие “коммунизм”, обращаются к толкованию Даля, находя его пророчески зорким (“Коммунизм — политическое учение о равенстве состояний, общности владений и о правах каждого на чужое имущество.”). И понятие собственности внимательно прослеживают по Далю словарю: авторам “надобна была какая-то палеонтологическая футурология: по кости, по слову требовалось восстановить корень идеи и прогнозировать практические следствия. В России это и сделал филолог — Владимир Иванович Даль”.

И все же “Даль и есть Словарь” — неполная формула. Словарь заслонил известного писателя, человека разнообразных талантов, с богатой, интересной судьбой. Давайте на время “отодвинем” словарь и “приоткроем” судьбу, канву его жизни...

Два дома

Больше всего он нам помнится по знаменитому портрету кисти В. Перова: в высоком кресле седовласый патриарх, с окладистой бородой, взгляд его, мудрый и печальный, обращен уже в вечность... Но если мы развернем ленту его жизни от этой точки, от конца к началу — Москва (завершил свой словарь и умер 22 сентября 1872 г., похоронен на Ваганьковском кладбище), Нижний Новгород (управляющий Удельной конторой, т.е. собственностью царской семьи: крестьянами, землями, имуществом), Петербург (Министерство внутренних дел), Оренбург (чиновник по особым поручениям), Петербург (военно-сухопутный госпиталь, хирург-окулист), Дерпт (казеннокоштный студент медицины), города Черного моря (служба на флоте), Кронштадт (“ненавистой памяти” морской корпус), Николаев (юность), а “в промежутках” Турецкий, Польский, Хивинский походы, многочисленные экспедиции, разъезды и переезды по России, — через все города и места, происшествия и годы мы приходим к дому на Английской (переименованной в Юного Спартака, 12) в рабочее поселение Лугань рубежа XVIII и XIX веков Славяносербского уезда Екатеринославской губернии.

В этом доме, с высокими окнами и ушедшим в землю фундаментом, 10 ноября 1801 г. родился Владимир Даль, здесь он прожил 4 года.

Дом хорошо сохранился, в нем музей Даля (с 1986 г.), где производится собирательская, исследовательская, просветительская работа. В городе (часто менявшем название: Луганск — Ворошиловград) чтут Даля. С 1983 г. регулярно проводятся всесоюзные Далевские чтения. Местная интеллигенция собирается в литературной гостиной домика-музея. Областное телевидение проводит Далевские “четверги”. В 1981 г. в городе торжественно был открыт первый в стране памятник Далю, на территории больницы (как-никак врачом был) установлен бюст. Создан Далевский комитет, который занимается изучением и пропагандой творчества Казака Луганского по всей стране.

...А дом конца жизни Даля (здесь он прожил без малого 13 лет) стоит на Большой Грузинской, в Москве. Он “спрятался” во дворе Министерства геологии и очень привлекательно смотрится: обновлен, покрашен светлой кремовой краской, резные крылечки, перед домом две красавицы-ели. Изнутри отреставрирован, упрочен. Правда, и фасад, и интерьер подверглись перестройке: разобраны шестиколонный портик и терраса, перегороджена гостиная, и по ее распisanному под небо потолку уже не летит Аврора на золотой колеснице, запряженной белыми конями... И старый кривой тополь между домом и зоопарком (он тогда уже открылся) наверняка помнит Даля, и вековые липы, ближе к Садовому кольцу, сохранились до сих пор... В 1941 г. перед домом упала фашистская бомба, но не взорвалась. Когда саперы раскрыли ее, то вместо детонатора обнаружи-

ли... чешско-русский словарь. Провидение рукою рабочего-антифашиста оградило дом человека легендарного культурного подвига и великой души. На Большой Грузинской есть мемориальный музей В.И. Даля.

“Отец мой выходец, а мое отечество Русь...”

Владимир Даль по отцу — датчанин, по матери — немец и француз, но по своему образу мыслей, по вкладу в русскую культуру — великий россиянин, русский человек. Сам он сказал так: “Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу принадлежит. Я думаю по-русски”.

Замечательный патриот России, творец ее словесности, духовной культуры, он был в то же время, говоря по-современному, настоящим интернационалистом и гуманистом. Какие-либо распри, раздоры между народами были противны его сердцу. Русскую землю, писал он, населяют разные народы, различные по происхождению и языку, но все они “должны стоять друг за друга, за землю, за родину свою... как односемьяне”.

Даль защищал от притеснения, от несправедливости всех “односемьян” — и славянина, и “азиатца”. Он помогал казахам, башкирам, татарам, среди которых жил, выкупил из неволи цыганку. Своими добрыми делами он заслужил прозвание “правдивый Даль”.

Детство и отрочество

Отец В.И. Даля — Иоганн Христиан Даль (в России он писался Иваном Матвеевичем) был образованным человеком. Знал новые европейские и древние языки. Закончил богословский факультет Иенского университета. Екатерина II, наслышанная о его талантах, вызывает его в Петербург на должность библиотекаря императорской библиотеки. По разным причинам он вскоре возвращается в Иену, проходит курс медицинских наук и приезжает в Россию уже как доктор медицины. Служил лекарем в Кирасирском полку будущего императора Павла I, но, не смирившись с самодурством великого князя, перешел в Горное ведомство, где работал на литейных заводах в Петрозаводске и Луганске. Отличался независимостью суждений, человечностью, бомбардировал начальство рапортами об антисанитарных условиях быта рабочих, о цинге, о нехватке продуктов.

Мать Даля — Мария Фрейтаг — тоже была образованной женщиной, знала несколько языков, а бабушка — Мария Ивановна переводила пьесы, которые шли в театрах, выходили отдельными изданиями.

Владимир Даль родился в один день года с Лютером и Шиллером. Это совпадение в датах было замечено в лютеранской семье, чтившей немецкую литературу, Даль вспомнил о нем и в старости. В этом доме всегда много читали и говорили о книгах, все дети получили отличное (в основном домашнее) образование. Была у Володи и своя Арина Родионовна — няня Соломонида. О ней он только однажды упомянул в своих воспоминаниях, но в сказках Даля появляется веселая баутчица, рассказчица кума Соломонида.

В 1805 г. семья переехала в Николаев, где Иван Матвеевич был назначен главным доктором Черноморского флота.

В морском корпусе и на фрегате “Флора”. Дерпт

10 лет отдал Владимир Даль морскому делу. В 1814 г. Иван Матвеевич отвез своих сыновей Владимира и Карла в морской кадетский корпус в Петербурге. “Морской корпус (ненавистой памяти), где я замертво убил время до 1819 года...” В этих словах Даля — воспоминания о муштре, о жестокости и самодурстве некоторых преподавателей. “В памяти остались одни розги...” (хотя его самого никогда не били). И наука там “была из рук вон плоха, хотя для виду учили всему”. Но все же было и отрадное, светлое: морские учения, 4-месячный поход в Швецию и Данию, хорошие друзья. Может быть, с наукой там было все-таки не так плохо: этот корпус в разные годы закончили адмирал Ушаков, Иван Крузенштерн, Михаил Лазарев, будущие адмиралы, герои Севастополя — Корнилов, Истомин, Нахимов. И многие острова, мысы, возвышенности на планете были названы именами морских офицеров — воспитанников корпуса. Но Даль не мог забыть унижающее достоинство битье...

“В службу вступил гардемарин 1816 года июля 10-го, — читаем в послужном списке Даля. — Произведен унтер-офицером 1819 года февраля 25-го. По окончании в корпусе полного курса наук произведен мичманом 1819 года марта 3-го”.

...Произошло это по дороге из Петербурга к месту службы, в марте 1819-го. Близ почтовой станции Зимогорский Ям, что в трехстах верстах от столицы, ямщик обернулся к замерзающему седоку — мичману В. Далю и ободрил: “Замолаживает”. — “Как это замлаживает?” — удивился незнакомому слову Даль. “Замлаживает. Вишь, пасмурнеет. Знать, к теплу”. Владимир вытащил тетрадку и коченеющими пальцами записал: “Замлаживает — в Новгородской губернии значит: небо пасмурнеет, заволакивается тучами”.

С этого слова и начался замечательный словарь Даля из 200 тысяч слов. В этом бы месте мемориальную доску повесить: так-то, мол, и так, отсюда берет начало огромное для России начинание (как из болотца близ Волгино-Верховья — Волга) — соби́рание с необъятной ее территории необъятного ее языка.

Помню, и я, не зная ничего про *замолаживает*, поразился словечку *неулыба* и стал искать его в словарях: как же так, *неулыбчивый* есть, а *неулыбы* — совсем “рядом”! — нет. Отсюда — шаг к живой идее обогащения, “расширения” русского языка. Так, наверно, со многими случилось.

Пять лет служил Даль на Черноморском флоте. Ходил под парусами в Измаил и Килию, в Одессу и Севастополь, в Сухум-кале. У кавказских берегов попал в десятибалльный шторм и мысленно уже прощался с жизнью. Каждую минуту очередная гигантская волна могла опрокинуть фрегат. Но судьба оказалась благосклонной к русской культуре, к грандиозному начинанию — ураган внезапно прекратился.

Даль и Пушкин встретятся потом, а пока они совсем рядом: Пушкин в то время жил в Одессе и вполне мог видеть фрегат “Флора”, на котором плавал мичман Даль.

Даль тяготился службой на флоте: “Я почувствовал необходимость в основательном учении”. Да и качку переносил все труднее. А тут еще сочинил эпиграмму на командующего флотом Грейга и сел на семь месяцев под арест. В 1824 г. перевелся в Кронштадт, но 1 января 1826 г. окончательно вышел в отставку.

Знаменитый хирург Н. Пирогов рассказывает: “Однажды, вскоре после нашего приезда в Дерпт, мы слышим у нашего окна с улицы какие-то странные, но незнакомые звуки: русская песнь на каком-то инструменте. Смотрим: стоит студент в ви́дмундире, всунул он голову через открытое окно в комнату, держит что-то во рту и играет: “Здравствуй, милая, хорошая моя”, не обращая на нас, пришедших в комнату из любопытства, никакого внимания. Инструмент оказался органчик (губной), а виртуоз — В.И. Даль; он действительно отлично играл на “органчике”. Так встретил новых студентов Дерптского университета бывший мичман, а ныне счастливый, веселый студент-медик.

“Золотым веком своей жизни” назовет позже Даль эти три года, проведенные в Дерпте.

Здесь мы творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу,

— писал поэт Николай Языков, друг Даля и Пирогова, о Дерпте тех лет. В этом свободном и веселом студенческом городе Даль жил раскованно, как никогда прежде и потом в своей жизни. Здесь, писал он, “каждый сам располагает собою

и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется... Нас не секли, не привязывали к ножке стола... Это не школа, здесь нет розог, нет неволи". Здесь можно было всласть заниматься наукой, изучать языки (Даль добросовестно каждый день выучивал 100 латинских слов; кстати сказать, память у него была замечательная!), здесь можно было с большой фантазией развлекаться.

Даль за годы учебы, по словам Пирогова, "пристрастился к хирургии... скоро сделался ловким оператором", особенно любил делать глазные операции.

В марте 1829 г. Даль досрочно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора наук и отправляется на войну.

Армейским лекарем принимал Даль участие в турецкой кампании 1829 года. Русские войска, освобождавшие Болгарию от турецкого ига, овладели крепостью Силистрия. Две тысячи раненых осталось на поле боя, лекарь Даль, едва держась на ногах, "резал, перевязывал, вынимал пули".

Даль был хирург отменный, оперировал искусно и быстро. Кто-то из его товарищей сказал: "Еще бы ему медленно оперировать, когда у него две правые руки". А суть в том, что левой он работал как правой.

В 1830—1831 гг. Даль боролся с чумой и холерой на Украине ("в свирепствование холеры в Каменец-Подольске заведовал 1-ой частью города"), делал глазные операции.

И снова попал на войну, на этот раз с Польшей, и здесь ему довелось отличиться совсем в другом качестве: он спас пехотный корпус, проявив изобретательность в сооружении переправы через Вислу — из бочек под его руководством сколотили плавучий мост, и он же последним обрубил канаты моста, когда подошел противник. За этот подвиг Даль был награжден Владимирским крестом с бантом и грамотой генерала Ридигера (а за турецкую кампанию — орденом св. Анны).

"Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка..." Эти запасы, помещенные в тетрадки и записные книжки, он увязал в тюки и навьючил ими верблюда, спутника его во время турецкой кампании. И вдруг верблюд пропал. Какая это была для Даля потеря, нетрудно догадаться. Однако фортуна, это совершенно очевидно, благоприятствовала великому словарному делу: через 11 дней казаки отбили у турок верблюда и привели к Далю.

В Оренбурге с особыми поручениями

В 1833 г. Даль переезжает в Оренбург — чиновником особых поручений при военном губернаторе. Перед отъездом из столицы женится на Юлии Андре. Она родит ему сына и дочь и умрет через 5 лет после свадьбы. Вторично Даль женится в 1840 г. — на Екатерине Соколовой, и у них будет трое детей — все девочки.

В Оренбурге Даль активно занимается административной, просветительной и научной деятельностью. Он способствовал постройке пешеходного моста через Урал, созданию местного музея, решал многие спорные дела, защищал бесправных степных кочевников. Даль много путешествует по краю, изучает его флору и фауну, быт его жителей. Пишет учебники ботаники и зоологии (они были высоко оценены специалистами и не раз переиздавались), рассказывает в близкой по жанру книге “Зверинец” о повадках зверей. Здесь развился его талант писателя, он много сочиняет.

Этнографические и исторические изыскания Даля были столь значительны, что в 1838 г. он был избран в Академию наук членом-корреспондентом по естественным наукам.

В начале XX в. один из членов Оренбургской комиссии писал: “...в Оренбурге Даль является перед нами не только... чиновником и плодовитым писателем, но еще филологом, этнографом, археологом, историком, статистиком, ботаником и натуралистом... Исследователи Оренбургского края до сих пор пользуются трудами Даля как первоисточником...”

В 1839—1840 гг. Даль участвовал в печальной памяти Хивинском походе, унесшем в жестокую зиму тысячи жизней. Пятимесячная военная экспедиция кончилась бесславно. Но для Даля, помощника командующего и врача, она не прошла бесследно: он многое увидел и пополнил свои словарные запасы.

Простреленная “выползина”

В сентябре 1833 г. в Оренбург приехал Пушкин, он собирает материалы к истории пугачевского бунта. В пути его обогнало письмо нижегородского губернатора: тот сообщал своему оренбургскому собрату, что литературные занятия поэта, дескать, только предлог, на самом же деле титулярному советнику Пушкину предписано ревизовать тайным образом деяния губернских чиновников, “собрать сведения о неисправностях”. Через несколько лет Пушкин подарит этот сюжет Гоголю, будущему автору “Ревизора”.

Даль и Пушкин едут вместе в Бердскую слободу, бывшую пугачевскую ставку, затем — в крепость Оренбургской линии. В эти дни они не расстаются. В пути Пушкин рассказывает Дालю сказку, которую тот впоследствии опубликует под названием “О Георгии храбром и о волке” с примечанием: “Сказка эта рассказана мне А.С. Пушкиным”. Поэт подарил Дालю рукопись своей “Сказки о рыбаке и рыбке” с надписью: “Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин”.

В конце 1836 г., сопровождая оренбургского губернатора В.А. Перовского, Даль приехал в Петербург. Об этих днях рассказывает П.И. Мельников-Печер-

ский: “Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски — *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Дально: “Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..” На другой день Пушкин пришел к Дально в новом сюртуке. “Какова выползина! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...”

Через несколько дней на дуэли Дантес прострелил эту “выползину”. Даль, получив печальную весть, тут же едет к Пушкину. “В первый раз сказал он мне “ты”, — вспоминает Даль, — я отвечал ему так же, и побратался с ним уже не для здешнего мира: — “Плохо, брат!”...

Последнюю ночь Пушкин проводит вдвоем с Далем. Доктор Даль поит его из ложечки, подает миску со льдом, пробует пульс... Горькая ночь!.. Пушкин приподнялся, протянул Дально дорогой перстень с изумрудом, который носил на руке как талисман: “Бери, друг. Мне уж больше не писать”. Однажды забылся, сжал руку Даля: — Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, ну пойдем!..

Даль произвел вскрытие тела, составил медицинский протокол.... На память о Пушкине ему достался, кроме перстня, черный сюртук с небольшой дырочкой — та самая выползина...

Особые дела в Особенной канцелярии

С 1841 года Даль — снова в Петербурге, живет и работает в Министерстве внутренних дел.

Даль — управляющий канцелярией при министре, его “правая рука”. Он статский советник, имеет Владимира 3-ей степени, Станислава 2-й с короною и Анну, и иные регалии. К нему обращаются: “Ваше высококордие”.

Много всяких бумаг — проектов, ходатайств, установлений — проходит через далевскую Особенную канцелярию: “Писать бумаги мы называем дело делать; а оно-то промеж бумаг и проскакивает, и мы его не видим в глаза...”. Но все же была очевидная польза от этой канцелярии, о чем свидетельствует, например, столичная газета “Голос”: “Петербург должен быть особенно благодарен Дально, который так много сделал для больниц и учебных заведений столицы”.

Но если учесть профиль Министерства внутренних дел, Даль, конечно, пользуется служебным положением. Он развернул работу по сбору местных слов, поговорок, песен, преданий и проч. в масштабах всей империи. В канцелярию министерства приходят толстые пакеты от чиновников, учителей, директоров гимназий. Все переписывается на длинные ленты бумаги (“полосы”), укладывается в коробки по губерниям, по говорам. Писцы трудятся усердно и не без удовольствия.

вия. “Самый воздух в канцелярии был пресыщен русской филологией”, — вспоминает один из сотрудников канцелярии. А по всей России продолжают растекаться предписания из Санкт-Петербурга — присылать, присылать, присылать...

Раз в неделю, по четвергам, у Даля собираются друзья и знакомые. Это не светская знать, а лица замечательные: хирург Пирогов, мореплаватели Врангель и Литке, натуралист Бэр, актер Щепкин, поэт и художник Шевченко, писатель Одоевский, товарищи по Хивинскому походу — Чихачев, Штернберг, Ханыков, Леман.

На одном из таких “четвергов” в доме Даля в 1845 г. было учреждено Русское географическое общество — одно из самых славных в России. Оно составило обширную программу по сбору сведений из области географии, геологии, картографии, топографии, сейсмологии, осуществляло научное руководство сборанием фольклорных и этнографических материалов, организовало десятки экспедиций во все регионы страны и мира (даже в Китае есть 450-километровый высокогорный хребет имени Русского географического общества).

В 1846 г. был разослан по стране “Этнографический циркуляр”, а в следующем году через “Отечественные записки” (№ 3) Даль призвал российского читателя “помочь ему в общем деле” — присылать в журнал или в министерство простонародные слова и выражения, а также пословицы, поговорки, присловья, прибаутки, присказки, песни, думы, причитания, сказки, былины, предания, были, загадки, скороговорки, народные анекдоты, лубочные картинки, заговоры, суеверия, народные плачи, месяцесловы (календари), описания местных обычаев, свадебных и похоронных обрядов, ремесел, промыслов, занятий, празднеств, игр, — и “чем ближе и вернее сведения эти будут описаны со слов народа, тем они будут драгоценнее”.

Круг “доброхотных даятелей” становится шире: кроме чиновников и учителей, присылают Дально материалы студенты, офицеры, газетчики, люди разных профессий. Даль переписывается с ними, благодарит, дает советы, беседует, иногда корреспонденты приходят к нему. И писатели, ученые, общественные деятели помогают ему, добавляя в его “копилку”: А.К. Толстой, М.П. Погодин, И.И. Лажечников, И.М. Снегирев, П.В. Киреевский, А.Н. Афанасьев, П.И. Якушкин, Е.П. Гребинка, М.А. Максимович, В.Д. Смирнитский, Е.В. Гудима и другие.

В Нижнем, где гуляет ярмарка

“Москвитянин” напечатал рассказ Даля “Ворожейка”, где цыганка из табора разными плутнями и хитростями обобрала простодушную крестьянку. Автор заканчивает такими словами: “На деревне сделалась тревога. Власти, как всегда, бездействовали”.

Вот за эту фразу о бездействии властей (а Далю ли было не знать об этом?) писатель от самого императора — через министра — получил выговор. Испугался, что будет обыск (помнил еще тот, николаевский, когда искали эпиграмму на адмирала), и сжег все “опасные” бумаги (не столько за себя, сколько за друзей боялся: Шлиссельбургская крепость рядом...).

Сжег сведения о числе погибших в Хивинском походе, о крестьянских бунтах, об эпидемиях холеры, о подготовке восстания пленных поляков и прочие. “Времена шатки — береги шапки”.

Даль в 1849 г. перевелся управляющим удельной конторой в Нижний Новгород.

В Нижнем под началом Даля было 37 тысяч губернских удельных крестьян, принадлежащих царской фамилии. И Даль защищал их по мере сил и возможностей. “У столичных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся, — писал он в Петербург друзьям. — Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха”.

Даль — и управляющий, и советчик (крестьянское дело он знает до таких подробностей, что его принимают за деревенского), составляет записку “наверх” о Нижегородской губернии и лечит крестьян: накладывает повязки, рвет зубы, оперирует. И неустанно собирает слова. Ему помогает вся контора. По-прежнему приходят пакеты. Их содержимое четыре писаря переносят на длинные “полосы”. Самый большой “улов” — во время знаменитой Нижегородской ярмарки, бурлящей каждый год целый месяц. Даль с записной книжкой не покидает ее.

10 лет отслужил Даль в Нижнем. Все труднее стали складываться его отношения с тщеславным губернатором, а еще больше возмущали порядки в губернии (из письма губернатору: “Чиновники Ваши и полиция делают, что хотят, любимцы и опричники не судимы. Произвол и беззаконие господствуют нагло, гласно”). Да и пора было уходить в отставку — заканчивать Словарь. Даль в 1859 г. переезжает с семьей в Москву.

Украинская мелодия

Даль любил Украину: он там родился. С детства слышал украинскую речь — и в Лугани, и в Николаеве. В начале 1830-х годов боролся с эпидемиями в Подолии. Летом 1844 г. Даль и украинский писатель Гребинка совершили поездку из Петербурга на Полтавщину — в имение родителей Гребинки.

“Я с родным чувством читаю и вспоминаю все, относящееся до южной Руси и Украйны”, — признавался Даль.

В его повестях и рассказах столько Украины!

“...Новороссия с Крымом знакомы ему как нельзя больше, а Малороссия словно родина его”, — писал В.Г. Белинский.

Даль знакомил русскую общественность с украинской литературой и языком, переводил на русский язык Квитку-Основьяненко, вводил живую украинскую речь в свои произведения. Творческие и дружеские отношения связывали его с М.А. Максимовичем, Е.П. Гребинкой, И.И. Срезневским. Даль принимал участие в облегчении судьбы Т.Г. Шевченко, несколько раз встречался с ним. Вместе с Максимовичем и Срезневским горячо отстаивал право украинского языка на самостоятельное существование и развитие — как самобытного славянского языка, который “сохранил всю девственную простоту свою и силу, и всюду себе равен”. Решительно не соглашался с тем взглядом, что язык Малороссии — наречие то ли русского, то ли польского языка.

Мало кому известно, что Даль долгие годы работал над составлением словаря украинского языка. В 1848 г. он писал первому ректору Киевского университета М.А. Максимовичу: “Я собрал с помощником Лазаревским таки полный малорусский словарь”. В другом письме сообщал, что составил “довольно полный малорусский словарь — кажется 8 т[ысяч] слов будет”. Уехав из Петербурга, часто пишет В.М. Лазаревскому: “...устройтесь таким образом, чтобы Ваш словарь не мог погибнуть, ибо это положило бы меня преждевременно в могилу”; другое письмо заканчивает так: “...От преданного Вам Даля, который ожидает “Малорусский словарь”.

Но шли годы, а словарь так и не вышел. Судьба его неизвестна. Предполагают, что материалы, собранные Далем и Лазаревским, попали впоследствии через кого-то в руки будущего автора четырехтомного “Словаря украинского языка” Б.Д. Гринченко (1863—1910).

...В 1866 г. Даль получил поздравление от ректора Петербургского университета П.Г. Редкина по случаю выхода последнего тома “Толкового словаря живого великорусского языка”, ректор просил Даля “обрабатывать и издавать собрание” для украинского словаря. Но не было уже ни сил, ни времени, чтобы вести еще и украинскую мелодию...

“Несносно честный и правдивый”

Даля часто рисовали, в разные годы его жизни. Художественная “далевiana” (“далиана”) достаточно богата, известны портреты П. Бореля, Э. Дмитриева-Мамонтова, В. Перова, нескольких неизвестных художников. Сам Даль, подшучивая над собой, говорил: “Рос, порос да и вырос в нос”. Действительно, он носастый и долговязый. Умные серые глаза. Физически крепкий. Руки умелые, мастерового: он и табурет сколотит, и книжку переплетет, и вырежет что-нибудь из коряги, и модель корабля соорудит, и борону починит, и выльет тончайшее украшение из стекла. Любил сражаться в шахматы (подчас на четырех

досках сразу и даже в стужу в кибитке во время Хивинского похода); почти всегда повергая противника, объяснял так: “Это у меня счастливые фигуры: сам выточил на станке!”

Чудаковат был и артистичен. Слава чудака сопутствовала Далю до конца его дней. Сам он писал: “Чудаки не глядят на то, что-де люди скажут, а делают, что чтут полезным”. Вполне мог бы стать артистом: виртуозно подражал жестам, мимике, голосу, с самым серьезным видом передавал комические сцены. Мог записывать комаром, загудеть мухой.

“Даль любил всех задирать”, — писал о нем декабрист Д. Завалишин, знавший Владимира Ивановича 57 лет. Задиристость и насмешливость в нем сочетались с веселым добродушием.

Даль щедр, нетщеславен, дарит — “ради общей пользы” — плоды своего труда. П.В. Киреевскому он передал около трехсот собранных им за многие годы песен, А.Н. Афанасьеву — около тысячи (!) записанных им сказок, отослал в личную библиотеку накопленные во множестве лубочные картины, а С.С. Гулак-Артемовскому подарил сюжет оперы “Запорожец за Дунаем”.

Даль разнообразно талантлив. В нем гармонично сочетаются энциклопедист и собиратель, писатель и ученый, философ (“Фауст” Гете — его любимая книга) и практик. Острое чувство языка — благодаря “многоязычию” родителей и среды — пробудилось в нем с детства. Он владел немецким, французским, английским, украинским, белорусским, польским, говорил по-татарски, башкирски, казахски, читал по-болгарски и -сербски, отлично знал латынь.

А как он ориентировался в русских говорах, в диалектном “море” России, свидетельствует такой эпизод (рассказывает сам Даль).

Два монаха пришли собирать деньги на церковь. “Я их посадил, начал расспрашивать и удивился с первого слова, когда молодой сказал, что он вологжанин. Я еще раз спросил: “Да вы давно в том краю?” — “Давно, я все там”. — “Да откуда же вы родом?” — “Я тамодий”, — пробормотал он едва внятно, кланяясь. Только что он успел произнести слово это *тамодий* вместо *тамошний*, как я поглядел на него с улыбкой и сказал: “А не ярославские вы, батюшка?” Он побагровел, потом побледнел, взглянул, забывшись, с товарищем и отвечал, растерявшись: “Не, родимый!” — “О, да еще и ростовский!” — сказал я, захохотав, узнав в этом “не, родимый” необлыжного ростовца. Не успел я произнести этих слов, как вологжанин мне бух в ноги: “Не погуби!..” Под монашескими рясами скрывались двое бродяг с фальшивыми видами”.

Как медик Даль увлекался офтальмологией и гомеопатией, в 1860 г. опубликовал в “Северной пчеле” большую статью “Гомеопатическое лечение сибирской язвы”.

Два качества в нем естественно уживались — смелость и осторожность. В 1829 г. при взятии Сливно доктор Даль вскочил на коня и поскакал в бой вместе с казачьей сотней, одним из первых влетел в город и продолжал атаковать противника. Быть осмотрительным (никалаевские-то времена!) ему не всегда удавалось: в книгах своих он проговаривался и бывал за это наказан.

“Несносно честный и правдивый”, “правдивый Даль” — так говорили о нем современники. Он терпеть не мог протекции, “давать ход не по заслугам”. Для бюрократической системы Даль был всегда “неудобен”. В ее адрес он изъясняется предельно ясно. Печально, что все это он говорит и про нас, про наше время:

“А что делает департамент одной проволочкой? Это зло неисправимое, от которого самая ретивая деятельность поражается параличом. Сердце болит, глядя на это. А что делает он бестолковыми и превратными распоряжениями, ни дай, ни вынеси, никому ни на пользу, а во вред себе и людям? Но не делай своего хорошего, говорит всякое начальство, а делай мое худое. Так и будем!”

Послушайте еще: “...значительная часть постановлений, взятых с немецких образцов и порядков, не могут быть применены и также исполняются только на бумаге; но это обманчивое исполнение отвлекает все полезные силы от сущности дела, которое и оставляется в стороне. К этому нельзя не прибавить, что общий обычай взяточничества... окончательно разрушает это управление”.

О Волге: “Если судить о состоянии этого пути, этой боевой жилы государства, по заботам и старанию правительства, то есть по изданным и непрерывно издаваемым постановлениям, по ужасающей своей огромностью переписке и, наконец, по числу мест и должностей, с этим связанных, исключительно этому посвященных, — то, конечно, часть эта должна быть в самом блестящем состоянии; но на деле выходит не то”. “На улучшение водных сообщений собраны огромные суммы, а улучшений нет”...

Даль был необычайно работающий. С раннего утра он уже за письменным столом, скрипит гусиным пером. И в пути, и на бивуаке в походе, и на вечеринке заполняет он свою тетрадку. “Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов”. Работая над словарем, утром, на свежую голову, он писал, а вечером складывал полосы, подписывал коробки. “Сидит, зарывшись в букву К, — говорили о нем в 1860-е годы (шутников точность не интересует: в Москве он начал уже с буквы (Р)). Ровно в 11 вечера, попросившись с гостями (пусть их хоть целый дом), уходил спать.

Вел простой образ жизни. Не любил светских визитов (“человек я весьма не публичный”), довольствовался простой пищей, знал толк в простом ремесле (“рукомесле”), имея склонность “ко всем ремесловым работам”, даже в старости трудился на токарном станке, мастерил ларцы, вырезал рогатые мотовила для наматывания пряжи.

Редкостная черта была в нем: он не стремился, как многие, в работе к уединению. Кабинета у него не было, любил работать на людях, в гостиной. В большой комнате рядом с его столом — рабочий стол жены и большой обеденный. Тут же ребята, они громко разговаривают, смеются, шалят, но это ему не мешает. Сначала это были дети, а потом — внуки (словарь делался почти полвека!). Ему легче работалось, когда за его же столом, напротив, сидели дети с тетрадками и делали уроки. “Весь словарь был написан под разговоры и игры”, — вспоминает внучка Даля Ольга Платоновна Вейс.

Он очень любил своих близких, свою семью. “Воскресенье было для старика большим праздником. Он непременно каждое воскресенье ездил с женою после обедни на Пресню. Старик тут всегда был весел, любя без памяти дочь, умную, живую, веселую и примерную хозяйку, и нежась на большом диване, среди внучат своих, с которыми хохотал до слез и резвился сам, как ребенок”, — так Владимир Иванович живописал самого себя в рассказе “Отец и сын”.

“Каким-то духом мирного успокоения и тишиной веяло отовсюду в доме Даля. Русская простота, соединенная с немецкой почти педантичностью и аккуратностью, составляла какую-то специфическую особенность этой доброй, радушной семьи”, — вспоминал А. Мельников, сын писателя П. Мельникова-Печерского.

О вероисповедальной стороне его жизни написано очень скупое. Известно, что Даль перевел Апокалипсис, что занимался переложением первых книг Библии на простонародный язык. В старости мимолетно увлекался спиритизмом и продолжительное время — сведенборгианством (мистическим учением о контактах с потусторонним миром, ясновидением, духовидением). Следуя семейной традиции, Даль был лютеранином. Незадолго перед смертью принял православие. Я.К. Гроту, известному филологу, единове́рцу, это свое решение объяснил так: “Надо ж о детях порадеть. Православное кладбище от нас — рукой подать, а каково бы им было тащить меня через всю Москву на Немецкое? И опять же: муж в одном месте, жена — в другом, это, может статься, и принято в нынешние времена, да все-таки негоже. Супругам надобно быть рядом”.

У Даля было четыре дочери и сын. Лев (Арслан) Владимирович стал хорошим художником. Ему принадлежали замечательные мозаичные панно в храме Христа Спасителя в Москве, он построил ярмарочный собор и церковь св. Козьмы и Дамиана в Нижнем Новгороде, сделал надгробие Минину. Даль-младший 5 лет изучал живопись и рисовал в Германии, Италии, Франции, за представленные работы был удостоен в 1866 г. звания академика. Лев Владимирович занимался русским народным зодчеством, был избран действительным членом Московского императорского археологического общества, сотрудничал в журнале “Зодчий”. Умер в возрасте 44 лет.

**“После Гоголя это до сих пор решительно первый талант
в русской литературе”**

Так писал о В.И. Дале в 1845 г. В.Г. Белинский. До революции полные собрания сочинений Даля выходили в восьми и десяти томах. После революции Даль не издавался более 40 лет. В 1961 г. вышел первый послереволюционный сборник — “Повести. Рассказы. Очерки. Сказки”. И снова — двадцатилетний перерыв. Но с 1981 г. Даль-писатель шесть раз переиздавался (последний раз — в 1987 г.) “толстым” однотомником. Можно говорить о какой-то единой издательской политике в отношении Даля: на рубеже 1960-х произошел “прорыв”, — с тех пор и сказки его стали издаваться и переиздаваться.

Чем же завоевал писатель Даль (Казак Луганский) столь высокую оценку Белинского?

Вот как объяснил популярность книг Даля его биограф В. Порудоминский: “Сила, значение повестей и рассказов Даля, их успех (а успех был, и немалый) — не от занятности сюжета, не от мастерства повествования, не от глубины раскрытия образа; сила и значение прозы Даля — в точности и меткости взгляда, в завлекательной подробности картин, в достоверности наблюдений. В самых затейливых Далевых небылицах всего интереснее быть”.

Даль — родоначальник натуральной школы в русской литературе. Характеризуя рассказ “Денщик” как “одно из капитальных произведений русской литературы”, В.Г. Белинский отмечает: “В.И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать физиологическим”. Автор обладает талантом “воспроизведения действительности во всей ее истине... В физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия...”

Строгий критик, первый критик России не скрывает своего восхищения: “К замечательнейшим повестям прошлого года (1844 — Ю.К.) принадлежит “Павел Алексеевич Игривый” (“Современник”), повесть г. Даля. Карл Иванович Гонобобель и ротный Шилохвостов, как характеры, как типы, принадлежат к самым мастерским очеркам пера автора. Впрочем, все лица в этой повести очерчены прекрасно, особенно дражайшие родители Любоньки; но молодой Гонобобель и друг его Шилохвостов — создания гениальные”.

Исследователи литературного творчества Даля обращают внимание на богатую поэтику его физиологического очерка. Автор все время меняет тональность: то он задушевен, сердечен, когда рассказывает о добрых людях, то ироничен, насмешлив, когда соприкасается с глупостью и невежеством, и не отказывает себе в удовольствии посмеяться вместе с читателем в комических ситуациях. Даль тяготеет к свободным, протяженным, детализированным описаниям, к точности об-

раза и слова (порой здесь педантичен: “Замок отпирают, сундук или крышку открывают, дверь отворяют”).

Писатель Казак Луганский (а также “В. Даль”, “В.Д.”, “В.И.Д.”, “В. Луганский”, “К. Луганский”, — имена менялись) родился в 1832 г. книжкой “Русские сказки”. Написанная ярким народным языком, она очень понравилась. Сказка — ложь, да в ней намек. Вот за эти “намекы” на социальное несовершенство державы, на благоглупости николаевского правления автора арестовали (правда, сразу же выпустили по высочайшему повелению: говорят, В.А. Жуковский за него вступился). Это был второй и последний арест Даля. Но не последний арест его книг.

Рассказ “Ворожейка” (1848) вынудил его покинуть Петербург и перебраться на 10 лет в Нижний Новгород. Роман “Вах Сидоров Чайкин” (1842) запрещался дважды. Как зорко отметил цензор, Гоголь и Даль “нападают на современные гадости”. Кстати, в этом романе некий Василий Иванович поступает совершенно по-чичиковски: скупает мертвые души, закладывает в опекунском совете и в итоге обогащается. В дореволюционной критической литературе даже утверждалось, что Пушкин лишь передал этот сюжет Гоголю, а его “перволадельцем” был Даль. И тыняновский “Подпоручик Киже” тоже обязан своим существованием Далю: эту историю Владимир Иванович однажды ярко поведал в гостинной В.Ф. Одоевского. Тынянов же, обнаружив в чьих-то воспоминаниях этот сюжет, дал волю своей художественной фантазии.

Можно было бы сказать, что два начала всегда спорили в Дале — писательское и собирательское. Но вот Даль сам признается: “Не сказки были для меня важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода”. Выходит, 10 томов прозы — это лишь “особый предлог”, “повод” и “одежа” для языка? И “спора” между писательством и собирательством никакого не было? С этим нельзя согласиться, но, конечно, русский язык и народ России в бесчисленных невыдуманных ипостасях — главные “герои” его произведений.

Когда Казак Луганский выходит “из тени” Даля — автора “Толкового словаря”, перед нами предстает интересный писатель, свидетель своей эпохи, российской действительности прошлого века, человек доброй, широкой души и острого, наблюдательного ума, мастер слова, “кладезь” разнообразных знаний.

В 1856 г., как бы “подводя итоги”, Даль сказал, что он “не высоко ценит все мелочи свои в художественном отношении”. Эта самооценка справедлива, если искать в его сочинениях художественный вымысел, увлекательную интригу, канву событий, какую-то главную идею с широкими обобщениями. Но он виртуоз другого жанра, он родоначальник русского реалистического очерка (Горький здесь в оценках переключается с Белинским). Даль оказал несомненное влияние на многих писателей — Ус-

пенского, Решетникова, Левитова, Короленко, Наумова, Слепцова, Нефедова. Вряд ли и Л. Толстой (в “Севастопольских очерках”), Достоевский, Чехов, Тургенев, постигая законы мастерства, прошли мимо далевской точной и плотной манеры письма — высочайшей “предметности” повествования.

Особое место в литературном творчестве Казака Луганского занимает детская тема. Даль любил детей и писал для них (может быть, для своих собственных — в первую очередь). Его перу принадлежат несколько десятков произведений для детей младшего возраста (5—8-летних), собранных в две книги: “Первая первинка полуграмотной внуке” (СПб., 1871) и “Первинка другая. Внуке грамотейке с неграмотною братиею. Сказки, песенки, игры” (СПб., 1871). Даль редактировал детские сборники своей жены Е.Л. Даль (Соколовой): “Крошки”, “Картины из быта русских детей”, а фактически был ее соавтором.

“Пословица несудима”

Прочитав “Первый пяток” — Далевы сказки, Пушкин воскликнул:

— Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!

Даль собирал пословицы и поговорки всю жизнь. В самом полном собрании, вышедшем “до Даля”, их было 10 тысяч с небольшим. Даль три с половиной тысячи из этого списка исключил: они показались ему “придуманными”, не подлинно народными. Оказалось шесть с половиной тысяч (вклад предшественников). А в собрании Даля — 30130! Нетрудно сосчитать, сколько он прибавил.

“Собрание пословиц — это свод народной, опытной премудрости, цвет здорового ума, житейская правда народа”, — писал Даль. Он был озабочен, он торопился: “...если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безразличности и бесцветности, стрижкою под гребенку... изникнут, как родники в засуху”.

Даль расположил свое обширное собрание по темам (воля — неволя, ум — глупость, правда — кривда и т.д.). Пословицы, помеченные здесь, отражают не только нравственное начало (“Терпенье и труд все перетрут”, “Жалеть мешка — не завести дружка” и т.п.):

“Самое кощунство, если бы оно где и встретилось в народных поговорках, не должно пугать нас: мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все, что есть”. Поэтому и такие пословицы включены в собрание: “Господи прости, в чужую клеть пусти, пособи нагрести и вынести”.

Разные цензоры “безнравственные” пословицы требовали убрать — Даль упорствовал: нет! Почти 10 лет сборник “Пословицы русского народа” проби-

валя к печати и был опубликован в начале 1860-х годов. Все 30130 пословиц Даль “продублировал” в словаре, там они в своих словарных гнездах. На титульном листе сборника, под заголовком, Даль поставил: “Пословица несудима”.

Главное дело его жизни

В 1859 г. Даль вышел на пенсию (точнее, на 2/3 пенсии) и перебрался в Москву. Четверть века он копил, “откладывал все остатки и заработки”, чтобы можно было заняться исключительно словарем.

В.И. Даль сумел завершить главное дело своей жизни — составил Словарь — Толковый словарь живого великорусского языка.

Трудно переоценить значение словарей (толковых, энциклопедических, двуязычных, терминологических, синонимических, фразеологических, этимологических и др.) для человеческой культуры. Словарь, по образному выражению В. Порудоминского, биографа Даля, — это “волшебный сундук, в который можно уложить сокровище и, бесчисленно умножив с помощью печатных станков, отдать людям. Каждый может стать владельцем золотой горы, перекованной в книгу”.

Но первый такой “волшебный сундук”, без которого все печатные станки стоят недвижимо, — надо было создать. Ему предназначалось стать вместительным русско́й народной речи.

Какие исторические причины, какие, пользуясь сегодняшним клише, объективные факторы благоприятствовали Далеву делу?

Победа в Отечественной войне 1812 года пробудила в российском обществе интерес к собственной истории, литературе, к языку народа-победителя. Будущий член революционного “Союза благоденствия” Федор Глинка писал в ту пору: “Имя Отечества нашего сияет славою немерцающею, а язык его безмолвствует!.. Мы русские, а говорим не по-русски!..” Ему вторил Вильгельм Кюхельбекер: “Из слова русского, богатого и мощного, сияются извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык”. Молодой Пушкин, уже написавший “Руслана и Людмилу”, призывал: “Есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки и проч.”, а когда в 1832 г. встретился с Далем, надуумил Владимира Ивановича собранные запасы объединить в словарь.

Даль остро чувствовал отрыв книжно-письменного языка своего времени от народной речевой стихии. Это чувство в нем соединилось с долгом, с собственным влечением и определило его жизненный путь.

Нет, не о влечении — о страсти надо говорить. Только страсть как “субъективный фактор” могла вызвать к жизни такой гигантский словарь. Очень верно

сказал об этом лингвист А. Сухотин: “Отношение Даля к языку было активное. Не будь у Даля этой любви, этой страсти к языку, этого творческого проникновения в самую сущность его, он никогда бы не выполнил своего великого труда... Есть что-то трогательное в этом затерянном среди 200 тысяч слов, 30 тысяч пословиц крике человеческой души: «Разве помру, а то кончу словарь свой» (пример на слово “разве”)).

Даль отмечает фатальный взгляд на развитие языка: нам, дескать, вовсе нечего заботиться о родном слове своем: оно-де выработается в свое время, как ему суждено”. Неверно! — считает он, — литературный язык надо развивать, совершенствовать, сознательно строить. “Если мы станем вводить пригодные русские слова исподволь, у места, где они ясны по самому смыслу, то нас не только поймут, но станут даже у нас перенимать”.

Что же это за “пригодные русские слова”, способные обогатить литературный язык? Это народные слова, “ими должны дорожить, искать их и вводить снова в письмо, чтобы пошлое и слабое заменить свежим, ясным, живым и сильным... Язык не пойдет в ногу с образованием, не будет отвечать современным потребностям, если не дадут ему выработаться из своего сока и корня, перебродить на своих дрожжах”.

Демократическая идея — идея народности и национальной самобытности — стала определяющей, путеводной для дворянина и “выходца” Даля. Противопоставляя народное (“простонародное”) — “образованному” и национальное — “иноземному”, Даль видел свою задачу не в столкновении этих начал, а в том, чтобы вывести народное, в его широком — социальном и культурном — понимании, из “тени”, из безвестности, из несправедливого забвения.

Даль не избежал крайностей: поначалу реформа литературного языка на базе народного мыслилась им как радикальная. Он готов был предпочесть многие диалектные формы книжно-письменным, литературным. Однако это не вызвало сочувствия у русских литераторов. В.А. Жуковский (в 1837 году, в Уральске) возразил Далю, что краткость и выразительность предложенной диалектной фразы (сравнительно с литературной) не может перевесить ее непонятность. Эти же фразы сопоставил в одной из статей (1842 г.) В.Г. Белинский: “Казак Луганский утверждает, что не должно говорить так: “Кавказ оседлал лошадь свою как можно поспешнее, посадил товарища своего, у которого не было коня, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его постоянно в виду, чтоб при благоприятных обстоятельствах на него кинуться”, а должно вместо того говорить: “Кавказ седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры, следил неприятеля в назерку, чтоб при сполутности на него ударить”. Воля его казацкой удали, а мы, люди письменные, равно не понимаем ни уторопи, ни назерки, ни забедр, ни сполутности”.

Темпераментный, целеустремленный языковой политик, каким был В.И. Даль (а не просто добродушный собиратель), вынужден был, хотя и не сразу, признать справедливость писательской критики, осуждения общественностью его крайнего пуризма, радикального реформаторства. В дальнейшем высказывания Даля становятся более взвешенными, и он предпочитает говорить, как важно знать народный язык, его “драгоценную руду” — говоры, которые открывают нам “происхождение и средство поколений” и “много способствуют уразумению и обогащению языка”. И писателям, использующим просторечные и областные слова, он дает благоразумный совет: “Изучать нам надо народный язык, спознаться через него с духом родного слова, и принимать или перенимать с толком и чувством, с расстановкой”.

В “Напутном слове” к своему Словарю В.И. Даль говорит: “...слова, речи и обороты всех концов Великой Руси, для изучения живого языка, должны войти в словарь, но не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их, для изучения самого духа языка и усвоения его себе, для выработки из него постепенно своего, образованного языка. Читатель, а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованный язык”.

Даль был человеком глубоко нравственным. В письме к издателю А.И. Кошелеву (1956) он призывал “принимать образованность и просвещение в добром направлении его, а не в дурном — (можно быть умным и ученым негодяем)... принимать его не бессознательно, а применяя и приурочивая к своей почве...” Даль был провидцем, он предостерегал, что цивилизация без нравственности приведет народы к пропасти. Он писал, что “для доброго, полезного приложения изобретений... (и называл нож, топор, порох, пар, грамоту, а мы бы добавили танки, ракеты, атомную энергию в виде бомб и АЭС)... нужно быть приуроченным, приспособленным... нужно понять опасность обращения с таким товаром и не только умом и сердцем желать добра, но и не заблуждаться насчет последствий...”

Даль в свое время подвергся резкой критике со стороны прогрессивно мыслящих публицистов за то, что он не разделял всеобщей эйфории по поводу распространения грамотности (“...грамота не есть просвещение, а относится к одному внешнему образованию...”). Некоторые высказывания Даля в той дискуссии были категоричны, неточны (грамота как бы становилась “виноватой”: “грамота вытесняет совесть... совесть заменяется грамотой”). Мы осознаем глубокую правоту Даля: цивилизация, оставившая “на задворках” нравственность, крайне опасна.

Таким средством “приурочить” образование и просвещение к родной почве, срастить их с духом, бытом и жизнью нации Даль считал народный язык. В нем видел он важную часть “воспитания внутреннего”, “нравственного образования”.

Иностранные слова, заимствования, “чужесловы” для народной идеи, для нравственного воспитания, по Далю, не годятся (“сознавая весь вред и все зло от наводнения и искажения языка чужими речениями, всяк должен противиться этому по своим силам”). И всю жизнь он вел с ними активную борьбу, нередко впадая в крайности. Далю были не по душе “прыткие набиратели и усвоители всех языков запада”, но тем не менее “чужесловы” он из языка и словаря не исключал: “Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи... От исключения из словаря чужих слов, их в обиходе конечно не убудет; а помещение их, с удачным переводом, могло бы иногда пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка”. (В “Толковом словаре” — немалое количество заимствований: только тех, которые сопровождаются указанием на язык-источник, — 1420; подавляющее же большинство усвоенных “чужесловов” ссылок на источник не имеет.)

Идея “удачного перевода”, обязательного национального соответствия заимствованию “пульсировала” в Дале постоянно. Он с повышенной чувствительностью — в серьезной или шутиливой форме — реагировал на присутствие иностранных слов в литературном тексте. Однажды не без ехидства и удовольствия он заметил славянофилу И.С. Аксакову, прочитавшему ему подготовленную к печати свою статью: “При всем своем презрении к Европе, дорогой Иван Сергеевич, вы употребляете в своих произведениях чрезмерное количество иностранных слов”.

Порой Даль терял чувство реальности, “преследуя” прочно укоренившиеся в русском языке заимствования. В 1868 г. он стал горячо попрекать историка М.П. Погодина за употребление таких слов, как *феодалный*, *аристократия*, *эпоха*, *система*, *форма*, *характер*, *пропаганда*, *сцена*. Погодин закончил полемику словами: “Наш спор становится смешным”. Действительно, еще полвека назад отбушевали споры по поводу использования иностранных слов. Их “тотальное” исключение из русского языка, за которое ратовал адмирал Шишков, было квалифицировано (Пушкиным, Белинским, Бестужевым-Марлинским, другими писателями) как несостоятельное. И читатели предпочитали карамзинистов шишковистам.

Даль, хотя и отмежевывался от некоторых “ошибочных убеждений шишковских времен”, (“Напутное слово”), отдал дань “шишковизму”. В своем словаре он “обезвреживает” иностранные слова с помощью реально существующих просторечных, областных или придуманных им самим слов. Даль немного “хитрил” и “прятал” изобретенные им слова среди народных. Это обнаружилось. И автору пришлось выслушать немало упреков по поводу помещенных в словарь “слов вымышленных или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства”. По данным А.С. Боровко, сочиненных Далем русских эквивалентов — не более 245. Среди них: *небозем*, *глазоем* (*горизонт*), *мироколица*, *колоземица* (*атмосфера*), *лов-*

косилие (гимнастика), живуля, живыш, самодвига (автомат), насыл, насылка (адрес), самоистина (аксиома), соглас (гармония), самотность (эгоизм), носопрятка (кашне), носохватка (пенсне), пичужить (любезничать), грязевики (галоши). Даль оправдывался: они занимают в словаре скромное место, “в красной строке или в числе объяснимых слов, сочиненных мною слов нет”. Кроме того, некоторые из приписываемых Далю слов есть в говорах, он их только употребил в новом значении: “Если я, например, предложил, вместо *автомат*, более понятное русскому слово *живуля*, то оно не выдуманно мною, хотя и не употреблялось в сем значении; оно есть например в загадке: Сидит живая живулечка на живом стулечке, тербит живое мяско (младенец сосет грудь)”.

Сам Даль предостерегал против неумелого конструирования новых слов и неоправданного переноса значений: “...где только, в применении малоизвестного слова, видна натяжка, а тем более во вновь образованном погрешность против духа языка, там оно глядит рожном”, и где новое образование “противно духу языка или самому смыслу, там язык наш упорно от сего отказывается, а будучи изнасилован, дает слова тяжелые, противные слуху и чувству, без всякой силы и значенья”.

Сам Даль верил в собственные неологизмы и предложенные им новые значения (например, настаивал на том, что *обиденный* должно значить “суточный”, “однодневный”, литературный же язык распорядился по-другому).

Даль (как и последующие реформаторы), был, конечно, прав, что огромные словообразовательные и другие ресурсы русского языка вполне оставляют надежду на нескончаемое словотворчество — “в духе языка”. Да и некоторые придуманные Далем слова (несправедливо все им сочиненное отвергнуто) способны конкурировать с заимствованиями в иносказательном, экспрессивно-художественном контексте: например, *пустогруз* (балласт), *самоистина* (аксиома), *душистость* (аромат), *царь-жила* (аорта), *беложилье* (нервы), *художник-строитель* (архитектор), *безыменник* (аноним), *бьючий колодец* (артезианский колодец). Да и вот молодой поэт, чье языковое воспитание вполне книжное, пишет в фальшиво-бравурный предвоенный год: “Вот подойди, губами тронь — И станет трудный “горизонт” Таким понятным — “глазоем”. Так Даль сказал. И много тут Спокойной мудрости” (Павел Коган).

Но и заимствования, и придуманные к ним “тождесловы” составляют очень незначительную часть Толкового словаря, главное же его богатство — язык народа, просторечные и областные слова “всяя Руси”.

Даль начинал, разумеется, не на пустом месте. В своей работе он использовал предшествующие лексикографические труды, и прежде всего “Словарь Академии Российской” (вышел двумя изданиями в 1789–1794 и 1806–1822 гг.), “Словарь церковнославянского и русского языка” (1847) и “Опыт областного

великорусского слова” (1852). Из этих словарей и разных малых словариков и списков он включил в свой Толковый словарь 120 тысяч слов и прибавил 80 тысяч собранных им самим. К своей части Даль сделал существенное замечание: “Не воображайте однако, чтобы прибавка эта состояла вся из слов коренных или неслыханных доселе областных выражений; напротив, девять десятых из них простые, обиходные слова, не попавшие только доселе в наши словари именно по простоте, по безвычурности и обиходности своей...” Из чего вытекает, что удельный вес просторечия в Словаре очень высок (традиционно он исследователями значительно “занижается” сравнительно с диалектизмами).

Итого в словаре Даля 200 тысяч слов: книжно-письменных, просторечных, диалектных, профессиональных, “чужесловов” и “тождесловов” к ним. Среди литературных слов — немало церковнославянизмов (по свидетельству П.И. Мельникова-Печерского, Даль усердно изучал *русские летописи*, отыскивая в них старинные слова и толкования к ним). Кроме того, словарь богат фразеологическим материалом — здесь тысячи устойчивых оборотов речи.

Исключительно ценный в словаре — терминологический фонд: слова, связанные с крестьянским бытом, с ремеслами, промыслами, народной медициной, флорой и фауной. Разбросанный по разным изданиям этот материал он свел воедино. Даля по праву называют замечательным, никем не превзойденным знатоком языка и быта русского крестьянства, его склада ума и характера, его творчества, фольклора. Превосходно знал Даль и городской быт, среду мещан. Толковый словарь — это в большой мере и этнографическая энциклопедия, неоценимый источник сведений о народной психологии и быте России XIX в. Даль равно хорошо знал и свадебные обряды, и детали парусного оснащения судов, и конскую масть (приводит до 50 названий), и рыбную снасть. Словарь Даля по своей сути вполне мог бы иметь и другое название: “Язык и народ”, “Язык и жизнь народа”, “Лексикоэтнографический словарь”.

Собрав огромный языковой материал, Даль стал размышлять, как его расположить в Словаре. Привычный азбучный порядок был им отвергнут: “Самые близкие и сродные речения, при законном изменении своем на второй и третьей букве, разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена...” Действительно, родственные слова, к примеру, *звать* и *зов* будут разделены словами *звенеть*, *звезда*, *зверь*, *здоровье*, *зебра*, *зелье*, *земля*, *зерно*, *зерцало* и еще десятками и десятками других, между *мука* и *мучной* станут *мулат*, *мультипликатор* (астрономический прибор), *мундир*, *муха* и проч. Нет, это не годится! Алфавитный словарь крайне растянут и утомителен, это не зеркало живого языка с его разнообразными, богатыми связями, а справочник. “Мертвый список слов не помощь и утеха”.

Даля не устраивает и корнесловный способ группировки материала, когда объединяются однокоренные слова, часто совершенно разные по смыслу (так был составлен “Словарь Академии Российской”), группу “ведет” общий корень или более или менее произвольно устанавливаемое слово. Даль пишет: “...не только *брать*, *бранье*, *бирка* и *бирюлька* войдут в одну общую статью, но тут же будет и *беремя*, и *собирать*, *выбирать*, *перебор*, *разборчивый*, *отборный*...” И составитель словаря не на шутку встревожен: “...в каждую статью, под общий корень, войдет чуть ли не вся азбука... Второй способ, корнесловный, очень труден на деле, потому что знание корней образует уже по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков, не исключая и отживших...”.

Даль выбирает “семейный”, или гнездовой, порядок расположения слов, чтобы легче можно было постигать “утраченный нами дух языка”. Он берет термины из любимой им природы: слова — “птеныцы”, и он помещает в “гнездо”, все “одногнездки” — в одно “гнездо”, слова он располагает “целыми купами”, как деревья в роще, производные слова — “отростки”. С “натурным” взглядом на язык переплетается антропоморфический: в словах Даль видит “очевидную семейную связь и близкое родство”, в слове “не менее жизни, как и в самом человеке...”

Словарные статьи, построенные по гнездовому способу и “возглавляемые” именем или глаголом, располагаются, естественно, в алфавитном порядке. Далю, однако, пришлось пожертвовать некоторыми “родственниками”: в словарную статью не включаются приставочные образования (*давать*, к примеру, в одной статье, *выдавать* — в другой). Даль нарушил свой принцип группировки вынужденно: словарная статья — благодаря колоссальной продуктивности префиксального словопроизводства в русском языке (“наплодили такое обильное потомство”) — разрастается колоссально.

Гнездовой способ (с оговоркой для приставочных образований) позволил автору дать впечатляющую картину смысловых и словообразовательных связей в русском языке.

Даль, разводя слова по “гнездам”, допустил ряд оплошностей, на что указали критики. Так, он в одно гнездо поместил *простой* и *простор*, *тлеть* и *тло* и в разные гнезда — *дикий* и *дичь*, *знак* и *значок*, *круг* и *кружок*. Впрочем, сам он в “Напутном слове” призывал указывать ему на ошибки, помогать совершенствовать словарь.

Даль назвал его Толковым не потому, что он мог получиться бестолковым, а потому, что в нем растолковываются слова (так он шутил, а на титульном листе 1 тома дал строгое объяснение). Толкование у Даля включает при момента: определение понятия, синонимы к слову и сведения о предмете, часто весьма подробные. Даль избегал развернутых определений, полагая, что они ведут “длинной дорогой” к пони-

манию слова: “При объяснении и толковании слова вообще избегались сухие, бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарной отвлеченностью”. Даль предпочитает объяснять одно слово другим, “тем паче десятком других”. Порой выстраивается целый ряд синонимов, “тождесловов”. В каждом из них есть свой, отличный оттенок значения, но их большое число помогает читателю составить верное представление о предмете. Получается еще одна “семья” — на этот раз смысловая. За синонимами следуют иллюстрации употребления слова — пословицы, поговорки, краткие авторские речения, реже — строки из народных песен, из летописей. “Примеров книжных у меня почти нет”, — признавался Даль в ответ на упреки, что он пренебрегает авторитетными литературными источниками, но объяснял это тем, что у него “не достало времени рыться за ними и отыскивать их”. И соглашался, что это недостаток словаря.

Небезупречным признается и толкование слов у Даля через синонимику. Полнота раскрытия значений слова здесь оказывается случайной: отдельные присущие слову значения остаются нераскрытыми, не разграничиваются четко значения и оттенки значений, порой известное слово “переводится” на диалект, т.е. выстраиваются рядом синонимы из говоров, это расширяет палитру средств выражения в национальном языке, но не способствует раскрытию значения толкуемого слова. Порой в толкование входит и придуманное Далем слово (например, к слову *вода*: “...испарения водные... наполняют мироколицу, в виде облаков, тумана, росы, дождя, снега и пр.”. В другом месте Даль вводит в толкование слово *стояло*, не делая оговорок, что оно придумано). “...неразграничение объективно существующего и субъективно желаемого — едва ли не главный недостаток словаря”, — считает А. Сухотин.

Можно сказать, что б о г а т с т в о в словаре получило явное предпочтение перед с т р о г о с т ь ю. Очевидно, и то, и другое невозможно было одному человеку совместить при объеме словаря в 200 тысяч слов, а кроме того, Даль был прежде всего писателем, любящим слово, а не языковедом, знающим тонкости грамматической теории, все “закоулки” лексикологии. Да и порой Даль сознательно или вынужденно шел на какие-то издержки. Так, он не считал нужным и по-настоящему полезным приводить грамматические указания: собранный им материал был шире формальной грамматики, не укладывался в ее правила.

Даль с пониманием, без обиды, хотя и огорчаясь, реагировал на критические замечания. Он писал академику Я.К. Гроту, с наибольшей тщательностью отрецензировавшему его словарь: “Рад, рад, что много занимались мною или Словарем. Вы находите свой разбор строгим — но взгляд мой на это дело одинаков с вашим: легонький разбор показал бы небрежение к труду, а правда равно бреет в обе стороны...”

Вот еще один пример солидарности радетелей русской словесности, преданности общему делу. При подготовке словаря к печати Даль с благодарностью принимает “подсказки” Н.И. Греча, писателя, журналиста, автора “Практической русской грамматики” (1827): “Заметки этого заслуженного уставщика грамоты были мне крайне полезны, охранив меня от многих промахов...” “Правочные листы” курсировали между Москвой и Петербургом. Даль совестился затруднять 75-летнего человека таким нескончаемым трудом, а тот отвечал: “Дайте мне умереть за этой работой!”

Но было бы неверно и несправедливо видеть в Дале только практики-собираателя и самоучку-филолога. Его обширные знания в области языка явно “выскажутся” над его ошибками, частными промахами. В предисловии к Толковому словарю (издание 1955 г.) А.М. Бабкин писал: “...обстоятельный и серьезный разбор, которому подверг В.И. Даль выпущенный Академией наук “Опыт областного словаря”, целый ряд критических замечаний, попутно высказанных им по поводу русской грамматики, русского правописания, и особенно диалектологические суждения В.И. Даля показывают, что по своему научному кругозору и уровню, во всяком случае в области лексикографии и диалектологии, он был не ниже многих признанных ученых, его современников. Мнение В.И. Даля о новом издании русского словаря, который проектировала Академия наук в 1854 г., показывает широту его лексикографических представлений наряду с их практичностью”.

Даль собирал слова, ему их присылали, но составлял словарь он сам, в одиночку. И в одиночку правил гранки, держал 14 корректур, 14 раз скрупулезно, внимательнейшим образом перечитал 2485 больших страниц сплошного текста. И объяснил причины медленного выхода словаря: “...правка такой книги, как словарь, тяжела и мешкотна, тем более для одной пары старых глаз... но, что зависит от составителя, то конечно одна только смерть или болезненное одряхление его могли бы остановить начатое”.

Не остановили. Когда он кончил словарь (издан в 1863–1866 гг.), похвастался, с усмешкой: “Меня теперь шестом не достанешь!” Тогда же академик М.П. Погодин выступил с заявлением, которое взволновало современников: “Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Дालю. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию”.

Выйти из Академии наук никому не хотелось, но это и не понадобилось: Даль, оказывается, не мог стать ее действительным членом по той важной причине, что жил не в Петербурге, где она располагалась, а в Москве. Даля избрали почетным членом Российской Академии наук и от ее имени присудили Ломо-

новоскую премию. Рецензент словаря академик Я.К. Грот писал. “Можно с уверенностью сказать, что никакой другой труд не был бы приветствован самим Ломоносовым с такою задушевною радостью, как именно словарь, поставивший себе задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содействовать чистоте его”.

Русское Географическое общество наградило Даля золотой медалью, Дерптский университет удостоил автора Толкового словаря, своего бывшего питомца, премией, Общество любителей российской словесности избрало его своим почетным членом.

Едва завершив словарь, Даль приступил к подготовке его второго издания, которое он собирался дополнить новыми материалами, внести поправки (“Эту работу я без усталы продолжаю”). Появление словаря вызвало новый поток местных слов его автору. Для второго издания Даль успел сделать около пяти тысяч поправок и дополнений, включил в словарь свыше полутора тысяч “подошедших” слов.

22 сентября (4 октября по н. ст.) 1872 г. Владимир Иванович Даль умер.

Второе издание словаря, исправленное и дополненное, вышло в 1880—1882 годы. Третье издание готовил к печати известный лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ. Оно весьма отличалось от второго, о нем говорили — “Бодуэновское издание”, “Бодуэновский словарь Даля” и даже “Бодуэновский Даль”. Редактор стал “соавтором” составителя не случайно: объем словаря в 3-м и 4-м, стереотипном, издании (1903—1909 и 1912—1914 гг.) увеличился — благодаря добавлению редактором многих новых слов, толкований, примеров — на 16 процентов (по подсчету самого Бодуэна де Куртенэ — даже на 20 процентов).

Бодуэн де Куртенэ сделал многое, чтобы облегчить пользование словарем, — производные слова разнес по своим алфавитным местам, но при этом, конечно, “разорил” гнезда. Для Даля же не удобство пользования словарем было главное, а компактное, “семейное”, гнездовое расположение материала. Редактор образовал новые гнезда, произвел перестановку внутри гнезд, изменил и дополнил грамматические пометы, глаголы, открывающие словарную статью, перевел из несовершенного в совершенный вид, значительно изменил Далево правописание, включил в словарь (безусловно, неоправданно) лексику политической полемики 1905—1906 гг., ввел и “неприличные” слова (Даль их тоже знал, но решил обойтись без них).

Редактор — замечательный лингвист — понимал, что эти многочисленные дополнения, уточнения, изменения все более отдаляют словарь от Даля. Все время пополнять словарь? Все время изменять? Но до каких пор? Почему можно включить в него слова “ближайших” 30—40 лет и не продолжить с “отдаленными”? Вопрос стоял так: превратить Словарь Даля лишь в материал, в источник

для новых словарей или оставить как замечательный памятник русской словесности, лексикографический тезаурус? Но, может быть, не исправляя его, выпускать к нему все новые дополнительные тома? Нет, и это нецелесообразно: слишком непохожими они будут на далевские, чем дальше, тем более непохоже. Бодуэн де Куртенэ поставил под сомнение свое столь обширное редактирование.

“Соперничая” с Далем, правя, “опровергая” его, Бодуэн де Куртенэ в то же время не скрывал своего восхищения гражданским, художническим, лексикографическим (при всех оговорках) подвигом Даля: «Составителя “Толкового словаря” можно упрекать в разных прегрешениях: в недостаточной научности, в дилетантстве, в нецелесообразном упорядочении материала, в необоснованных этимологических сопоставлениях, в крайнем, почти до смешного доходящем языковом пуризме, но нельзя не преклоняться перед громадностью труда, перед энтузиазмом собирателя, перед усидчивостью и добросовестностью в упорядочении материала, перед творческим проникновением в сущность языка. Даль был не ученый, не аналитик, а созерцатель, художник».

Время распорядилось в пользу “одного Даля” со всеми его недочетами и неудобством для чтения, в пользу иллюстрации богатства языка, изобилия на его семантико-структурных полях “Далевских” изданий — 12; начиная с 5-го, они опираются на 2-е издание, в которое, по сравнению с 1-м, были внесены другими лицами лишь незначительные поправки; “бодуэновских” — 5 (дореволюционные 3-е и 4-е, подготовленное в “Прогрессе” в 1994 г., 11-е и выпущенные в 1998 г. издательством “Терра” и “Цитадель” 16-е и 17-е издания).

Эхо

Далю не нравилось слово эхо тем, что оно не склоняется (должно быть, в ту пору еще “робели” его склонять). Даль поставил в ряд с греческим “чужесловом” 11 русских соответствий (*отголосок, вторье, отгул, зык* и др.). Но эхо все эти реальные и придуманные “тождесловы” все-таки оттеснило.

Эхо Далева словаря и не ослабевает и поныне. Оно разлетелось сразу — в 60-е годы XIX в. по всей читающей России. Отклики были полны восхищения грандиозностью труда и благодарности автору. Они зазвучали на страницах печати, в аудиториях. Это была золотая пора для русской культуры: примерно в одно время вышли в свет “История России с древнейших времен” С.М. Соловьева, “Народные русские сказки” А.Н. Афанасьева, “Песни” П.В. Киреевского, “Былины” П.Н. Рыбникова, “Пословицы русского народа” и “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И. Даля.

Академик Я.К. Грот тогда писал: “Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного сло-

ва может читать ее или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдет в ней знакомого, родного, любезного, и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода, и для литературного дела”.

Сам Даль говорил о себе предельно скромно: он всего лишь выполнял работу “подносчика при постройке великолепных палат русского слова”. Что ж, верно, десятилетиями он был неутомимым подносчиком, но стал и строителем, и зодчим: величественное здание Словаря затмило “недоделки”.

Хорошие отзывы на “Толковый словарь” опубликовали И.И.Срезневский, П.И. Савваитов, А.А. Котляревский. Кроме специалистов, откликнулись писатели, учителя, журналисты. Вот некоторые из благодарных строк:

“Этот Словарь нечто небывалое на святой Руси”.

“...Это подвиг изумительный — относительно его исполнителя, почти непонятный в наше мелкое время, это книга, как говорил Карамзин, “для всякого русского важная и необходимая”.

“В этой книге вырастает наше самосознание”.

“Внешней громадности этого Словаря соответствует внутренняя громадность материала, в нем помещенного”.

“Даль один сделал то, чего до сих пор не могли сделать у нас целые общества — ученые и даже переученные...”

“Толковый словарь” Даля возбудил большой интерес в обществе к говорам русского языка, к народной речи.

Писательское эхо, зазвучавшее тогда, не умолкает. Это понятно: язык ведь орудие литератора, плоть его мыслей и чувств. От Пушкина, восхитившегося языком далевских сказок, до таких разных наших современников — русские писатели славят Даля.

И.С. Тургенев так отозвался на его смерть: «Он оставил за собой след: “Толковый словарь” и мог сказать “Eregi monumentum”.

Лев Толстой обратился к “Толковому словарю” в 1870-е годы, остро ощущая разрыв между литературным языком и народной речью. Писатель скрупулезно изучает словарь, читает каждый том с начала до конца и с конца до начала, подбирает синонимы к литературным словам, определяет оттенки значений. Так же внимательно он штудирует “Пословицы русского народа”. Отсюда он черпает для своих произведений. Пословицы, собранные Далем, помогали писателю работать над образом Платона Каратаева. В текст романа “Война и мир” он включил 9 пословиц (а приготовил 70).

А.Н. Островский много лет собирал материалы для словаря народного языка (они позднее вошли в “Словарь русского языка”, составленный Вторым отделением Академии наук), сверялся и “спорил” с Далем.

Словарь В.И. Даля. 1-е изд. 1863—1866 гг.

Ф.М. Достоевский очень дорожил “подобранным” им в юности в Инженерном училище и введенным в литературу словом *стусеваться*, он подробно рассказывает об этом — “для какого-нибудь будущего Даля... будущий Даль меня поблагодарит”.

Чувство меры — “водитель” настоящего писателя. Истинный вкус, по замечательному определению Пушкина, “состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности исообразности”.

“Человек живет словами”, — говорил Н.С. Лесков, тонкий знаток народного языка. Рассказы и повести Лескова пронизаны образной речью, в них свежая выразительная лексика. Писатель был последователем и единомышленником Даля, но он предупреждал против неуместного и неумеренного употребления народных слов.

Многое из того, говорил он, что было

навязано литературе, что неорганично внедрилось в ее языковую ткань, “выплюнуто и высмеяно по заслугам”.

М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов, И.А. Бунин предостерегали против “списывания с Даля”.

М. Горький так прокомментировал совет К. Чуковского переводчицам — читать Даля: “Совет — опасный. Лексиконы Даля, Успенского, Лескова прекрасны, но представьте себе Виктора Гюго, переданного языком Лескова, Уайльда на языке Мельникова-Печерского, Анатоля Франса, изложенного по словарю Даля”. Горький говорил: “Познакомьтесь со словарем Даля... вслушивайтесь в живую речь”. Но тут же: “Не надо брать пример с Ремизова, который, видимо, пишет, держа перед собой раскрытым Далев словарь”.

“Выбор принадлежит писателю”, — не раз говорил Даль. Сам писатель должен определить свое отношение к языковому материалу. Безоглядное черпание из словарей неразумно. Чтение “Даля” не может заменить писателю, журналисту собственного опыта. Но оно в то же время развивает языковое чутье, обост-

ряет его. Поэты с острым чувством языка — Хлебников, Есенин, Маяковский — замечательно “перекликались” с Далем (десятки их неологизмов словно выписаны из “Толкового словаря”).

Значение “Толкового словаря живого великорусского языка” для русской словесности емко и точно определил академик В.В. Виноградов: «Словарь Даля, стремясь направить литературный язык “в природную его колею, из которой он у нас соскочил, как паровоз с рельсов”, указывал обществу пути синтеза книжных форм речи с простонародными».

И не потеряли актуальности слова Даля, адресованные будущим поколениям: “Много еще надо работать, чтобы раскрыть сокровища вашего родного слова, привести их в стройный порядок и поставить полный, хороший словарь...”.

Передний заднему мост (любимая поговорка Даля).

Я видел: у русских писателей четырехтомник Даля стоит совсем близко от письменного стола. В библиотеках “Толковый словарь” и “Пословицы русского народа” являются неотъемлемой частью справочно-библиографического аппарата, к ним обращаются люди самых разных профессий. Словарь издан уже 17 раз. Далевские материалы вливаются в издаваемый ныне многотомный “Словарь русских народных говоров”.

Замечательный памятник русской лексикографии, одно из богатейших собраний человеческой речи — Далев словарь зовет нас “не опускать планку”, не утомимо искать и раскрывать “сокровища нашего родного слова”, осмысливать их и приводить в “стройный порядок”, помнить, что русский литературный язык живет прежде всего от собственных истоков, и в этом его сила и пластическая выразительность.

Передний заднему мост. Даль бессмертен!

УЧЕНЫЕ И ПИСАТЕЛИ О В.И. ДАЛЕ

Давно уже в русской литературе не было явления в такой мере достойного общего внимания и признательности, как этот словарь... Это вместе с тем одно из тех произведений, которые своим появлением действуют на ход образованности народной тем более, чем их самих более, и чем более лиц, умеющих ими пользоваться.

И.И. Срезневский

[Словарь] должен также сделаться настольною книгою всякого... В современной русской лексикографии это без всякого сравнения самый полный и многообъемлющий словарь, притом это труд, задуманный смело и оригинально, выполненный самостоятельно.

Я.К. Грот

Книга призвана служить народу и в конце концов написана для русского народа. Славянским языковедам представлен настоящий и чисто русский словарь.

А. Шлейхер

К особенностям его любви к Руси принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на общедоступном языке нашего называемого крестьянином и мужиком. Как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком. Он знает его добрые и его дурные свойства, знает горе и радость его жизни, знает болезни и лекарства его быта...

После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе.

В.Г. Белинский

Из людей умных должны выступать на поприще только те, которые кончили свое воспитание и создались как граждане земли своей, а из писателей только такие, которые, любя Россию так же пламенно, как тот, который дал себе название Луганского Казака, умеют по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском и руководствуясь единственно желанием ввести всех в действительное положение русского человека.

Ум твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живостью его слово. Все у него правда и взято, так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизумительнейшая повесть. По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей... каждая его строчка меня учит и вразумляет, продвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен нам в нынешнее время. Его сочинения — живая и верная статистика России.

Н.В. Гоголь

Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городских, — был Казак Луганский (псевдоним г. Далья). Он не испытывал симпатии к чиновнику; одаренный выдающимся талантом наблюдения, он прекрасно знал свой край и еще лучше свой народ.

А.И. Герцен

Русскому человеку больно от него досталось — и русский человек его любит, потому что и Даль любит русского человека...

Произведения г. Даля, переведенные, едва ли могли бы понравиться иностранцам: в них уж чересчур пахнет русским духом, они слишком исключительно народны...

Русского человека он знает как свой карман, как свои пять пальцев.

И.С. Тургенев

Луганский чрезвычайно мне полюбился... Перечел я Луганского “Бакея и Мауляну”: славная вещь, хотя и не повесть... Луганский и Вельтман, право, самые даровитые из нынешних наших писателей.

В.К. Кюхельбекер

Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, все ему удавалось...

Н.И. Пирогов

Далю запрещали писать. Как? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и он попал в коммунисты и социалисты?

А.В. Никитенко

Даль — “человек добрый, разумный, могущий”.

Т.Г. Шевченко

Одно слово: человек — душа. И всяку крестьянску нужду знает, равно родился в бане, вырос на полатях. И говорит-то по-нашему, по-русски то есть, не как иные господа, что ихней речи в толк не возьмешь”.

П.И. Мельников-Печерский

Даль — демократ, он глубоко чувствует свою связь с народом... у него можно было учиться многому, но не учились ничему.

Его очерки... имеют огромную ценность правдивых исторических документов, и если бы мы захотели детально изучать жизнь крестьян 40—50-х годов, для этой цели сочинения Даля — единственный и бесспорный материал.

М. Горький

Нужно, чтобы переводчики всячески пополняли свой мизерный запас синонимов. Пусть они воспользуются знаменитым советом Теофиля Готье и возможно чаще читают словарь. Даль — вот кого переводчикам нужно читать.

...Перед Далем стояла задача — указать средства народного обновления русской литературной речи XIX века и пути освобождения ее от чужеродных заим-

ствований, открыть русскому обществу “неисчерпаемый родник или рудник живого языка русского”.

К. Чуковский

Как сокровищница меткого народного слова Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком.

В.В. Виноградов

В.И. ДАЛЬ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я полезу на нож за правду, за отечество, за русское слово, язык!

Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник или рудник наш, сокровищница нашего языка...

Если мы станем вводить пригодные русские слова исподволь, у места, где они ясны по самому смыслу, то нас не только поймут, но станут даже у нас перенимать.

Я смотрю на язык простонародный как на главный запас. Изучать надо нам народный язык. Освоившись с духом родного слова, мы облагородим и перенесем на родную, но более тучную и возделанную почву все то, что стоит пересадки.

Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи.

...Если уж мы взяли иностранное слово, не надо ставить его в бог весть какие необыкновенные условия. Пусть подчиняется правилам нашей грамматики и произносится так, чтобы для русского человека оно не было диковато на слух.

...Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...

Язык не пойдет в ногу с образованием, не будет отвечать современным потребностям, если не дать ему выработаться из своего сока и корня, перебродить на своих дрожжах. От нас требуют, чтобы мы удержали речь свою на природном ее пути, дали ей простор и раздолье в своем, коренном русле.

Писателям нашим необходимо проветриваться от времени до времени в губерниях и прислушиваться чутко направо и налево.

Словарь — “труд целой жизни, который сбережет будущему на сем же пути труженику десятки лет. Передний заднему мост”.

...вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный русский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа...

...Мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усваивает себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть.

А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз был свидетелем.

...Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образований.

Но с языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя...

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.И. ДАЛЯ

Цыганка. СПб., 1830.

Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. М., 1842. Ч. 1. № 2.

Недовесок // Москвитянин. М., 1842. Ч. 5. № 9.

О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1844.

О русских пословицах // Современник. СПб., 1847. Кн. 6.

О наречиях русского языка // Вестник Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1852. Кн. 5.

О русском словаре (читано в Обществе Любителей Российской словесности 25 февраля и 6 марта 1860 г.) // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1.

Напутное слово (читано в Обществе Любителей Русской словесности 21 апреля 1862 г.) // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

Пословицы русского народа. М., 1962.

Ответ на приговор (по поводу рецензии А.Н. Пыпина на “Толковый словарь...”). М., 1867 // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

Автобиографическая записка // Русский архив. М., 1872. Кн. 2. № 11.

Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1897.

Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1863–1866; 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882; 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909; 4-е изд. СПб., М., 1911–1912; 5-е изд. — М., 1935; 6-е изд. М., 1955; 7-е изд. М., 1956; 8-е изд. М., 1978 — 1980; 9-е изд. М., 1981–1982; 10-е изд. М., 1989–1991; 11-е изд. М., 1994; 12-е изд. М., 1994; 13-е изд. М., 1995; 14-е изд. СПб., 1996; 15-е изд. М., 1998; 16-е изд. М., 1998; 17-е изд. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ И ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бабкин А.М. Толковый словарь В.И. Даля // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

Бессараб М.Я. Владимир Даль. М., 1968.

Булатов М.А., Порудоминский В.И. Собирал человек слова... Повесть о В.И. Дале. М., 1966.

Грот Я.К. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. СПб., 1869.

Грот Я.К. Воспоминание о В.И. Дале (с извлечением из его писем), СПб., 1873.

Евстратов Н.Г. В.И. Даль и Западный Казахстан // Учен. зап. Уральского пед. ин-та им. А.С. Пушкина. Уральск, 1957. Т. 4. Вып. 12.

Ильин-Томич А.А. Даль Владимир Иванович // Русские писатели (1800–1917). Биографический словарь. М., 1992. Т. 2.

Канкава М.В. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.

Лазаревский В.М. Из бумаг В.М. Лазаревского. I. Биографический очерк.

Знакомство с Далем. 3. Переписка с Далем. М., 1894.

Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Исторический очерк. Оренбург, 1913.

Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля. Ростов н/Д., 1996.

Порудоминский В.И. Владимир Даль. М., 1971.

Порудоминский В.И. Повесть о Толковом слове. М., 1981.

Порудоминский В.И. Жизнь и слово: Даль. Повествование. М., 1985.

Седов А.В. Нижегородский подвиг В.И. Даля. Н. Новгород, 1993.

Смолицкая Г.П. В.И. Даль (1801–1872) // Русская речь. 1981. № 6.

Смолицкая Г.П. И.И. Срезневский и В.И. Даль // Славянские языки, письменность и культура. Киев, 1993.

Солженицын А.С. Русский словарь языкового расширения. М., 1990.

Татауров П.П. ...И слово это было — Россия (о В.И. Дале). М., 1990.

Stieda Ludwig. Aus dem Leben Dahls. Dorpat, 1873.

